

МИХАИЛ ТАЛАЛАЙ

РИЖСКИЙ ПРОФЕССОР И РИМСКИЕ СВЯТКИ

Впервые имя профессора Арсения Викторовича Старкова мне встретилось лет тридцать тому назад. По благословению протоиерея Михаила Осоргина я писал историю русско-православного прихода в Риме, а заодно делал полную роспись метрических книг. В одной из этих книг за 1927 год в графе «Умершие» стояло имя Старкова с пометой «профессор Рижского университета». На минуту пришлось задуматься: что делал в Риме рижский профессор? Может, я неправильно прочитал, и это Римский университет? Нет, явно — Рижский.

Я включил запись о его могиле на римском кладбище Тестаччо в свой свод [1], и Старков канул в моей памяти: профессоров, бежавших из Советской России, вероятно, было больше, чем там оставшихся.

В последние годы, однако, это имя мне стало встречаться все чаще. Новая встреча с ним произошла на страницах романа моего друга, соррентийского писателя Рафаэля Бусси, когда я готовил русскую версию его книги «В тени голубого острова». Под голубым островом автор подразумевал Капри, а в его тень он поместил разномастную колонию революционеров, художников, литераторов и идейных бродяг. Действие романа в 1920-е гг. перенеслось в Сорренто, где поселился Максим Горький во время своего второго итальянского «сидения» (вновь на «голубой остров» фашистские власти его не пустили, чтобы досадить «буревестнику»).

В одном месте Бусси пишет о гостях Горького, останавливавшихся в Сорренто. Его вилла не могла их всех вместить, и они селились в соседней гостинице «Минерва». Бусси сообщает: «Но всему этому населению виллы надо добавить первую жену писателя, которая время от времени появляется здесь из Москвы на несколько недель, а также гостей, которые приходят из близлежащего отеля „Минерва“, — таких как писатель Андрей Соболев, профессор Старков из Праги и Павел Муратов» [2].

Откуда мой соррентийский друг это все узнал? И кто этот Старков? Не тот ли профессор из Риги, что похоронен в Риме? Однако теперь он — из Праги... И что он делал в Италии? Зачем вообще сей рижско-пражский профессор ездил к Горькому?

Современность легко позволяла выявить источники информации у Бусси, и вскоре я читал фрагмент из воспоминаний Владислава Ходасевича: «Иногда появлялись гости, жившие по соседству, в отеле „Минерва“: писатель Андрей Соболев, приехавший из Москвы, профессор Старков с семейством (из Праги) и П. П. Муратов» [3].

Почти полное совпадение... Что ж, мой соррентиец написал художественный роман, а не научную статью. Его можно извинить и за еще одно уточнение. Ходасевич после упоминания Старкова пишет: «Иногда к вечернему чаю заходили две барышни, владелицы виллы, сохранившие за собой часть нижнего этажа», а мой друг: «Иногда приходят на чай после ужина собственницы виллы, донна Матильда и донна Елена». Мне как историку приятно, что анонимные персонажи у Бусси получают имена.

Теперь ищу самого Старкова, и опять-таки благодаря современности поиски облегчаются, тем более что в римских метрических книгах стоит его имя и отчество: Арсений Викторович.

Он оказался видным ученым, с прихотливой биографической траекторией. Хотя прихоти эти были не его собственные... Старков, уроженец Торжка, учился анатомии и медицине в Москве, где и начал блестящую академическую карьеру. Он становится профессором, женится на украинке Ольге Ростенко, у них в 1913 году появляется сын Олег, названный, вероятно, в связи с именем матери.

Во время Первой мировой войны Старков — главный хирург лазарета Императорской фамилии в Петровском дворце в Москве. Покинуть Белокаменную он решил после октябрьских событий 1917 года и бомбежек Кремля — в мягкой форме отвергнув большевизм.

В тот момент Украина обретала независимость, приняв многих беженцев из России. Энергичному 43-летнему профессору предложили возглавить кафедру анатомии в Киевском университете, с преподаванием на украинском. После создания в 1918 году Украинской Академии наук Старков становится одним из ее действительных членов — следовательно, академиком. Под его началом формируется группа ученых, и теперь он заслужено считается основателем украинской анатомической школы. В 1919 году в Киеве рождается второй сын — Игорь.

Но спокойный труд Старкова теперь под угрозой — и сюда пришла новая власть, искавшая «контру». Его тесть Филипп Ростенко в 1922 году был арестован — за поддержку «белых» в Гражданскую войну — и тут же казнен. Не дожидаясь ареста, вместе с женой, тещей и двумя малышами академик через леса и болота около трех недель пробирается в Польшу. С полгода он живет в новой Польше, но тут беженцам из бывшей империи не рады: в академическую среду его не приняли. Он попытался было заниматься частной медицинской практикой, пока эта деятельность ему не была запрещена.

Старкова и Екатерины Сенадской // Талалай М. Г. Российский некрополь в Италии. М., 2014. С. 669.

[2] Бусси Р. В тени голубого острова. СПб., 2017. С. 103.

[3] Ходасевич В. Некрополь. М., 2015. С. 211—212.

Профессор Московского университета
Арсений Викторович Старков. 1912—1916.
Архив автора

Учебник на украинском языке — книга
профессора А. В. Старкова «Общая биология»,
издана в Праге в 1925 году. Архив автора

С 1923 года Старков — в гостеприимной Праге. У него документы украинского академика, и он становится профессором кафедры биологии Украинского высшего педагогического института им. Драгоманова. Он умудряется сохранять связи с «красным» Киевом: став внештатным академиком Украинской Академии наук, выступает как ее посредник в отношениях с чехословацкими учреждениями.

В Праге Старков пишет первый (!) учебник биологии на украинском языке «Загальна [общая] біологія». В Праге выходят и другие его публикации на украинском и чешском.

Однако он стремится в Италию. С этой благодатной страной он был хорошо знаком еще до революции, навезая сюда и туристом, и сотрудником международной биологической станции в Неаполе. При этом его влекла не только симпатия к Италии, но и слабое здоровье его мальчиков: врачи настоятельно советовали Старковым перебраться в теплые края.

Арсений Викторович перебирает возможности и решает действовать через Горького, человека, как известно, отзывчивого. Таким образом, в 1925 году семейство Старковых появляется в Сорренто, в гостинице «Минерва», а позже — на страницах мемуаров Ходасевича и романа Бусси.

О чаяниях Старкова мы узнаем из письма Горького к Ольге Ресневич-Синьорелли, русской жительнице Рима, даме тоже весьма отзывчивой. Приведем это письмо целиком.

Сорренто, 20 мая 1925

Глубокоуважаемая Ольга Ивановна!

Разрешите обратиться к Вам с просьбою, исполнением которой Вы можете весьма достойному и ценному человеку спасти от возможно почти неустрашимой гибели.

Речь идет о профессоре анатомии, академике Арсении Викторовиче Старкове, крупном русском ученом, авторе нескольких специальных трудов, как то: «О нервах сердца», «Анатомия таза», «Учебник биологии» и пр. Он имеет кафедру в Праге, сейчас ему предлагают кафедру в Риге, но у него больны дети и он должен жить в Италии или ее колониях.

В январе 25 года он подал на имя ректора Римского университета о признании его медицинского диплома и доставил все свои труды в Канцелярию Университета. Канцелярия признала его документы удовлетворяющими всем требованиям.

Дело только в том, чтоб ускорить, ввиду приближающихся каникул, делопроизводство о признании диплома. А затем я просил бы Вас вот о чем:

Я слышал, что супруг Ваш в добрых отношениях с г. Муссолини. Не может ли он ходатайствовать о назначении Старкова медиком в одну из итальянских колоний Африки, в Триполи, Киренаику?

Это спасло бы детей Старкова и дало бы ему возможность продолжать свои работы над одним очень важным изобретением.

Старков свободно говорит на итальянском, французском, немецком языках, знает английский. Он совершенно аполитичен, никогда не был членом каких-либо русских партий и занят исключительно наукой. Профессорствовал в университетах Москвы и Киева.

Я очень прошу Вас, уважаемая Ольга Ивановна, помочь ему.

Будьте здоровы.

М. Горький [4]

[1] Цитирую эту запись в последнем издании моего свода: СТАРКОВ арсений Викторович, Торжок Тверской губ. 1875 — 6/19.12.1927, 52-х лет [Рим, кладб. Тестаччо, III, II, 10, 8, 1ТСR, tomba № 330; № 2282]. Сын Виктора

[4] Переписка А. М. Горького, Е. П. Пешковой, Н. А. Пешковой с Ольгой Ресневич-Синьорелли // М. Горький в Италии. К 150-летию со дня рождения писателя. СПб., 2021. С. 474.

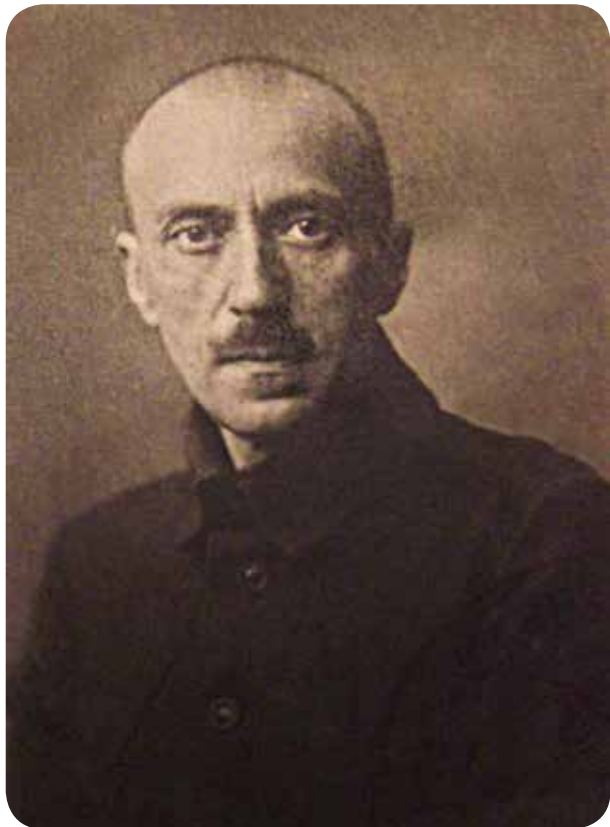

Профессорско-преподавательский состав Украинского высшего педагогического института им. М. Драгоманова. Прага, 1923/1924. Национальный музей истории Украины

Профессор А. В. Старков (в центре) на занятиях по анатомии со студентами. Рига, 1925/1926. Архив Латвийского университета

Профессор А. В. Старков. Рига, 1925/1926. Архив Латвийского университета

Как мы видим, писатель кратко, но емко представил CV профессора. Сообщает он и о Риге: в самом деле, в Праге Старков — преподаватель украинского пединститута, и по незнанию чешского его дальнейшая карьера в местных академических учреждениях проблематична. Но он думает не о Риге, где ему дают университетскую кафедру, а о Риме.

В Италии дела у Старкова идут неплохо: его степень доктора медицины и хирургии быстро признали в Римском университете. В самом деле, помогла Ольга Ивановна; в ее архиве сохранилось благодарственное письмо от Арсения Викторовича. Появились надежды на подобающее место в Италии, на продолжение работы над неким, по словам Горького, «очень важным изобретением». И Старков отсылает из Праги в Рим все свое семейство: жену, тещу и сыновей.

Однако близится трагическая развязка. О ней я узнал в архиве другой благожелательной русской итальянки, княгини Марии Павловны Абамяк-Лазаревой, урожденной Демидовой княжны Сан-Донато. Обеспеченная жительница Флоренции получала письма с просьбами со всей Италии. И это письмо, посланное Ольгой Старковой из Рима в 1932 году, тоже стоит привести целиком:

Глубокоуважаемая княгиня,

Простите, Бога ради, за смелость, которую беру на себя писать Вам. Я имею предложить Вам две старинные вышивки гладью, это есть платки, которыми связывали руки во время венчания молодым новобрачным, когда они ходили вокруг аналая. Работа эта ручная крепостных девушек, очень тонкая, на французском батисте.

Глубокоуважаемая княгиня, если позволите, я напишу вкратце о нас. В 23 году мы, т.е. моя мама, муж и два сына (9 и 3 лет), бежали из России после расстрела моего отца, что грозило и моему мужу. Мы попали в Прагу. В Праге мой муж получил стипендию — как ученый — и за это читал лекции в университете. Мой муж был

академик, профессор медицины в Москве, а в 18 году был приглашен в Киев в университет на кафедру анатомии. Он написал много научных трудов, имеет европейское имя. Из Праги нам представилась возможность поехать в Рим, так как мужу было поручено устроить русских студентов на стипендии Римского университета. Потом муж получает приглашение из Рижского университета занять кафедру; мы же не могли поехать с ним, потому что сильно болела мама, а он все мечтал устроиться в Римском университете. И вот в 27 году умирает моя мама, не проходит и три месяца, как совершенно неожиданно, в поезде, умирает муж — он ехал к нам на Рождество.

Я осталась совершенно одна на свете с двумя детьми без пенсии, без средств. Прошло уже пять лет; нас поддерживает одна американка, но ее дела теперь пошатнулись, и она очень уменьшила свою стипендию.

Каждый день требует денег, а лекарства так дорого стоят.

Глубокоуважаемая княгиня, пишу я Вам все это, чтобы Вы имели о нас маленькое представление, мне так хотелось бы продать эти вещицы. Жизнь так трудна для всех, а в особенности для русских беженцев, да еще для вдовы.

Не откажите, хорошая, добрая княгиня, мне покупкой моих вещей. А уж как я Вам буду благодарна — видит Бог.

Господи, как устала я мучиться и беспокоиться о завтрашнем дне. Как не станет меня, что будет с моими маленькими, они такие слабые, бледные. Им так нужно питаться.

Буду с нетерпением ждать Вашего ответа.

Мой адрес — Viale Regina Margherita, 306, int. 7.

О. Старкова

Простите меня.

Искренне уважающая Вас (подпись) [5]

Во флорентийском архиве княгини, к сожалению, не сохранились ее ответы — только послания к ней. Но, полагаю, Мария Павловна купила эти вышивки: в конце концов, вдова деликатно просила не денег, а лишь покупки антикварных «вещиц».

Изложенные Ольгой Старковой обстоятельства читателю нашего очерка уже известны — кроме одного: Старков ехал в итальянскую столицу праздновать с семьей Рождество. Ехал на святки — конечно же, вез детям и жене подарки. В Рим прибыло бездыханное тело отца семейства... Профессору Рижского университета, мечтавшему о Римском, было 52 года.

Но у нашего печального святочного рассказа есть позитивное продолжение. Удалось узнать, что один из сыновей Старкова успешно продолжил научную стезю отца, причем в совершенно неожиданном месте — в Душанбе! После Второй мировой войны Олег Арсеньевич Старков на волне патриотического подъема, невзирая на благополучную научную карьеру в Риме (в сфере паразитологии), решает репатрироваться. В соответствии с советской практикой бывших белоэмигрантов рассылали на периферию, и Старков-младший попадает в Таджикистан. Здесь его оценили — он был единственным ученым в республике, отменно знавшим латынь, — и дали возможность трудиться: в итоге он даже возглавил кафедру зоологии. Думаю, жизнь Олега Арсеньевича в Душанбе была отмечена ностальгией по Риму: в 1958 году тут выходит его монография об итальянских клещах — текст, совершенно неизвестный итальянистам.

Сведения о судьбе его матери и брата пока не обнаружены.

В 2024 году исполнится 150 лет со дня рождения профессора Арсения Викторовича Старкова, уроженца Торжка, который в Праге преподавал анатомию на украинском языке. Что могут сделать в его память нынешние русские и украинские жители Чехии? По крайней мере — послать цветы на его могилу в Риме. Она сохранилась ■

[5] Последняя из Сан-Донато. Княгиня Абамяк-Лазарева, урожденная Демидова. М., 2010. С. 103—104.